

Нечаев Климент Александрович

аспирант исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ COMITIA CALATA И COMITIA CURIATA

Аннотация:

В статье автор рассматривает различные варианты соотношения понятий Comitia Calata и Comitia Curiata. Согласно доминирующим в отечественной и зарубежной историографии версиям, калатные и куриатные комиции являлись двумя разными видами народных собраний, а решающим фактором, определяющим их отличие, было участие или неучастие в них верховного понтифика. Проанализировав основные теории, автор приходит к выводу, что калатные и куриатные комиции – это названия одного и того же вида народных собраний в разные периоды его развития.

Ключевые слова:

калатные комиции (comitia calata), куриатные комиции (comitia curiata), понтифик, центуриатные комиции, интеррекс, фламин, аррогация, адрогация, народное собрание.

Nechaev Kliment Aleksandrovich

PhD student, History Department,
Saint-Petersburg State University

CORRELATION OF EXPRESSIONS COMITIA CALATA AND COMITIA CURIATA

Summary:

The article examines different options of correlation of expressions comitia calata and comitia curiata. According to the dominating theories in Russian and foreign historiography, comitia calata and comitia curiata are two different types of people's assemblies. Determining factor which distinguished these two types was participation or non-participation of Pontifex Maximus in the assembly. By studying the basic theories, the author concludes that comitia calata and comitia curiata are the names of the same popular assembly in different periods of its evolution.

Keywords:

comitia calata, comitia curiata, Pontifex, comitia centuriata, interrex, flamen, arrogation, adrogation, popular assembly.

Одной из важнейших проблем исследования истории куриатных комиций является вопрос соотношения понятий «куриатные комиции» (comitia curiata) и «калатные комиции» (comitia calata). Большинство современных исследователей обходят стороной этот вопрос, ограничиваясь несколькими общими фразами о природе калатных комиций, либо употребляют эти два термина как синонимы, никак это не комментируя.

Согласно самой распространенной в историографии версии, калатными комициями называли любые народные собрания, проходившие под руководством понтифика [1, с. 197]. Подобная теория обычно основывается на двух факторах: во-первых, на следующем свидетельстве Авла Геллия: «Калатные комиции (comitia calata) – это такие [комиции], которые созывались перед коллегией понтификов для избрания либо царя, либо фламинов. Из [прочих] комиций одни – curiata (куриатные), другие – enturiata (центуриатные). Куриатные комиции созываются, то есть собираются, куриатным ликтором, центуриатные – глашатаем, трубящим в рог». Во-вторых, на основании этимологии самого термина calata. Эта этимология в целом не вызывает разногласий и, очевидно, происходит от слова calare – созывать. Так вот, слово calare, однокоренное словам calendae, calator, curia calabra [2, р. 1330–1334], употреблялось лишь в жреческой терминологии, а в политической сфере всегда использовался термин vocare или advocare [3, р. 1454].

То есть, таким образом, калатные комиции могли быть как куриатными, так и центуриатными. Соответственно, если собрания созывались для решения политических вопросов, то это были просто куриатные или центуриатные комиции, если же они созывались для решения религиозных или семейных вопросов, то они назывались соответствующими (куриатными или центуриатными) калатными комициями [4, р. 99–151].

Надо сказать, что мы категорически не согласны с подобной теорией. Во-первых, абсолютно не ясно, какие именно семейные или религиозные вопросы могли решаться на центуриатных собраниях и каким образом понтифик мог принимать в них участие. Следует упомянуть, что Людвиг Ланге считал, что pontifex maximus руководил комициями для избрания интеррекса [5, р. 133, 177]. Но при этом в источниках нет никаких сведений об избрании интеррекса в центуриатных комициях. Ливий прямо пишет, что назначение интеррекса происходило без всякого участия народа. Теодор Моммзен, при том что он был ярким сторонником наделения великого понтифика широким спектром политических функций, допускает только один возможный вариант участия понтифика в деятельности центуриатных комиций, а именно избрание фламинов [6, р. 307–318]. В своих

рассуждениях он опирается на приведенное выше свидетельство Геллия. Хотя само это свидетельство не дает никаких оснований отдавать предпочтение центуриатным, а не куриатным комициям в этом вопросе. Таким образом, участие понтифика в центуриатных комициях и, следовательно, само существование центуриатных калатных комиций можно полностью исключить.

Теперь стоит рассмотреть возможность председательства понтификов в куриатных комициях. Трижды в источниках упоминается определенное участие понтификов в куриатных комициях: *comitia arbitris pontificibus praebentur, quae «curiata» appellantur* (Gell. V. 19.6); *calata comitia... pro conlegio pontificum habentur* (Labeo ap. Gell. XV. 27.1); *lege curiata apud pontifices... adoptarem* (Tac. Hist. I. 15). Все три приведенные свидетельства не дают однозначного подтверждения того, что понтики председательствовали на этих собраниях: по мнению Андрея Михайловича Сморгочкова, предлоги *pro* и *apud* следует переводить в значении «в присутствии (понтификов)», а не «при руководстве понтификов». В том же смысле следует понимать независимый аблативный оборот *arbitris pontificibus*, который можно перевести «при посредничестве понтификов» (или «после решения понтификов») [7, с. 47].

Также хорошо известен исторический эпизод аррогации Клодия в 59 г. до н. э. Однако и в этом случае мы не находим подтверждения участия понтифика в данном процессе, поскольку проводивший куриатные комиции Гай Юлий Цезарь одновременно был и консулом, и верховным понтификом. Весьма сложно в такой ситуации определить, в какой же роли он действовал. Однако обращает на себя внимание тот факт, что Цицерон, упоминая в речах эту аррогацию, дважды указывает именно на консульское достоинство Цезаря, но ни разу не указывает на его верховный понтификат. Теодор Моммзен, исходя из своей концепции, замечает, что Цицерон таким образом подчеркивал политическую сторону данного акта. Но зачем ему это было нужно и почему он выбрал эту сторону полномочий Цезаря – Моммзен не поясняет, без аргументации заявляя, что *lex curiata* «при усыновлении явно не имеет отношения к консулу». Однако, когда еще в 60 г. до н. э. Клодий попытался перейти в плебеи, консул Кв. Метелл указал на необходимость принятия куриатного закона, тем самым сорвав планы Клодия. Конечно, это всего лишь косвенное указание на возможную роль консулов, скорее обращает на себя внимание отсутствие сведений о какой-либо деятельной активности понтификов в этом вопросе [8, с. 47–65].

То есть нигде в источниках мы не находим свидетельств о наличии у понтификов полномочий созывать и руководить куриатными комициями. Ведь все это мог совершать лишь магистрат с империем, из которого вытекало *ius agendi cum populo*, и правом на высшие ауспиции. О наличии у верховного понтифика права на высшие ауспиции, необходимые для проведения такого рода комиции, никаких свидетельств также нет.

Употребление термина *calare* также не может служить доказательством участия понтифика в народных собраниях, так как первоначально этот термин являлся общеупотребимым и, лишь будучи вытесненным впоследствии словом *vocare*, получил столь яркий религиозный оттенок.

Таким образом, исключив возможность председательства понтификов, мы не можем говорить о том, что калатные комиции являлись особым подвидом комиций куриатных.

Согласно другой весьма распространенной версии, калатные комиции представляли отдельный вид народных собраний, существовавших сначала параллельно с куриатными, а затем и с центуриатными комициями. Опять же, сторонники подобной версии считают определяющим признаком калатных комиций председительство понтифика. Конечно, с большой натяжкой можно допустить факт существования народных собраний, председателю которых не требовалось бы наличия империя и *ius agendi cum populo*. Но в этом случае необходимо определить компетенцию этих комиций и их место среди других видов народных собраний. Иван Вячеславович Нетушил считал, что главным различием между куриатными и калатными комициями являлся способ голосования: согласно его мнению, выражение *comitia curiata* указывало на голосование по куриям – *curiatim*, а *comitia calata* – на простую аккламацию [9, с. 338]. При этом он никак не комментирует разделение полномочий этих собраний, которое, безусловно, должно было бы присутствовать, если бы эти два вида собраний действовали параллельно. Теорию же об аккламации он обосновывает, переводя слово *calare* как «кричать», а не как «созывать», и, таким образом, термин *calata* указывает на способ голосования, а не на способ созыва.

Другие авторы косвенно развивают подобную теорию, полностью лишая калатные комиции кого-либо голосовательного процесса и вообще политического значения [10, с. 55]. Согласно подобной точке зрения, на калатных комициях не принималось никаких решений, в них лишь оглашались определенные объявления или свидетельствовались определенные официальные действия, и решение любых вопросов не подлежало народному голосованию. С подобным утверждением, безусловно, согласиться нельзя. Во-первых, если бы действительно на калатных комициях не принималось никаких решений, то они обозначались бы более подходящим для этого

термином *contio* – сходка. Ведь, согласно Геллию, различие между *contio* и *comitia* как раз и состояло в том, что на *contiones* не принималось никаких решений, а происходило предварительное обсуждение или делались какие-либо официальные заявления.

Стоит отметить, что очень часто древние авторы употребляют термины *comitia calata* и *comitia curiata* как синонимы, никак их не различая. Тогда каким же образом можно определить, какими функциями обладали те или иные собрания? Сторонники теории разделения двух видов древних комиций решают этот вопрос очень просто, определяя, что к ведению калатных комиций относились те вопросы, которые не требовали согласия народа. И тогда традиционный список полномочий калатных комиций выглядит так:

- 1) объявление завещаний;
- 2) *detestatio sacrorum*, то есть отречение от родового культа;
- 3) адрогация;
- 4) обнаружение нон и других событий, касающихся календаря.

На первый взгляд, подобные функции, действительно, не требуют какого-либо голосования и согласия народа, так как являются частноправовыми актами. Это и является основным аргументом сторонников лишения калатных комиций политических функций. Подобное мнение представляется нам ошибочным. О том, что текст завещаний римских граждан оглашался в ходе калатных комиций, прямо свидетельствуют Геллий и Гай (*Gai. II. 104; Gell. XV. 27.3*). Но сделать вывод о том, что это было лишь простое освидетельствование народом воли завещателя, не представляется возможным. Ведь на калатных комициях зачитывались лишь патрицианские завещания патрициев. Патриции передавали по наследству прежде всего свои *sacra publica* – то есть право отправления религиозных обрядов и жертвоприношений, и только потом имущество. Гай приводит следующую формулу завещательной нункупации: «Я даю, завещаю, свидетельствую, и вы, квириды, утвердите это свидетельство» (*Gai. II. 104*). То есть речь идет именно об утверждении, а любое утверждение предполагает голосование. Римские юристы, к примеру Папиниан (*Papin. D. 28.1.3*), отмечают, что в древнейший период право завещания было областью не частного, а публичного права, ведь право наследования *sacra publica* имело для архаического Римского государства первостепенное значение [11, с. 155].

Институт *detestatio sacrorum* обычно понимается тоже достаточно узко – как отречение усыновляемого или наследника от исполнения родового культа. Однако нам известно, что Сервий Сульпиций посвятил вопросу *detestatio sacrorum* объемный труд, состоящий из нескольких книг, который упоминает Геллий (сам труд не сохранился) (*Gell. VII. 12.1*). Термин *detestatio* обозначал прежде всего проклятие, а не только отречение, а термином *detestatus* обозначалось лицо, совершившее религиозное преступление [12, р. 587]. Всякое деяние человека, направленное на нарушение божественных законов природы, грозило ему проклятием. Например, Цицерон в своей речи, направленной против Клодия, изображает его как преступника, подлежащего проклятию (*detestatio*) всего римского народа. Таким образом, *detestatio sacrorum* должно быть понято как отречение народа от проклятого им преступника. И даже если воспринимать этот термин лишь в значении отказа от семейного культа и от *sacra publica*, тем не менее такое решение касалось всей общины и подлежало ее утверждению [13, с. 161].

Адрогацию взрослого римского гражданина *persona sui iuris* подробно описывает Геллий: «Адрогацией этот акт называется потому, что данный род перехода в чужую семью совершается посредством рогагии к народу. Слова его рогагии таковы: “Желаете ли вы, призываете ли, чтобы Луций Валерий по праву и по закону стал сыном Луцию Тицию точно так же, как если бы он был рожден от него как от отца семейства и от его жены как матери семейства, чтобы была у него такая власть над жизнью и смертью, какая есть у отца над сыном. И то, о чем я сказал, я вас, квириды, спрашиваю”» (*Gell. V. 19*). Подобная формула подтверждается и Гаем (*Gai. I. 99*).

То есть мы видим, что в случаях рассмотрения вопросов усыновления и завещания в калатных комициях проявляется сохранение элементов древнейшего родового института контроля общины за переносом собственности и публичным культом (Гай неоднократно упоминает, что при адрогации лица *sui iuris* все имущество усыновляемого, включая членов семьи, переходило в собственность под власть усыновителя) [14, с. 165].

Последним из перечисленных полномочий является объявление дат священного календаря, которое почти все исследователи римского государственного права по умолчанию относят к компетенции калатных комиций. Но при всем при этом у нас нет ни одного прямого свидетельства о том, что подобное объявление происходило именно на комициях. Древние авторы лишь ограничиваются упоминаниями, что ноны, иды и другие даты объявлялись понтификами на Калабрийской курии – *curia calabra*, которые для этого созывали (*calare* или *vocare*) народ. По нашему мнению, на основании этих свидетельств нельзя сделать вывод, что авторы в данном случае имеют в виду калатные комиции. Скорее всего, подобные собрания как раз-таки и можно

определить словом *contio* – сходка, ведь в *contiones* к народу могли обращаться любые, в том числе и частные лица. Позвать народ на *contio* можно было в любое время дня без всяких формальностей, а ауспиции перед сходками не были необходимы. То есть подобную сходку вполне мог провести и понтифик. То, что даты объявлял понтифик, кажется вполне логичным: ведь систематизация календаря находилась как раз в ведении коллегии понтификов. Наблюдение за луной, а древний римский календарь был как раз лунным, и происходило на *curia calabra*. Термин *calare* тоже не доказывает того, что калатные комиции имели место в данном случае, он лишь подтверждает участие понтификов в данном процессе.

Таким образом, мы видим, что лишать калатные комиции какого-либо участия народа и голосования не представляется возможным. Тогда как же разграничить эти два вида народных собраний, исключив участие в них понтифика: компетенцию их определить не удастся, а древние авторы чаще всего не видят никакой разницы между этими двумя видами древних государственных институтов.

По нашему мнению, калатные комиции, действительно, являлись древнейшим видом народных собраний в Древнем Риме. Столь древним, что даже римские авторы не понимали его природы и не рискнули прибегнуть к своему стандартному ходу, приписав создание институтов, чье возникновение было им непонятно, простому акту законотворчества Ромула. Корни этих собраний лежат в институтах военной демократии еще доцарской римской общины. Процедура и компетенция этих древнейших собраний воинов, очевидно, не были строго регламентированы, и голосование в них, подобно остальным древнейшим европейским собраниям воинов, проходило в форме аккламации, выражаемой либо криками, либо шумом, издаваемым оружием. Кажется само собой разумеющимся, что куриатные комиции не могли возникнуть на пустом месте. Они как раз-таки и стали наследником древнейших воинских собраний – калатных комиций, получив всю полноту их власти. Возможно, стоит говорить даже не о наследовании, а о простой трансформации одного вида собрания в другой после утверждения куриатной системы. В царский, а затем и в республиканский период калатных комиций как отдельного вида собраний уже не наблюдается. И термины *comitia calata* и *comitia curiata* мы можем использовать как синонимы.

Ссылки:

1. Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М., 2007. С. 197.
2. Kübler B. *Calata Comitia* // *Real-Enzyklopaedie der klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. 3. Stuttgart, 1897.
3. Liebenam W. *Comitia* // *Real-Enzyklopaedie der klassischen Altertumswissenschaft*. Reihe 1. Bd. 4. Halbbd. 7. Stuttgart, 1900.
4. Botsford W. *The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic*. New-York, 1909.
5. Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. 1: *Einleitung und der Staatsalterthümer erster teil*. Berlin, 1974.
6. Mommsen Th. *Römische Staatsrechts*. Leipzig, 1871–1887. Bd. II–III.
7. Сморгков А.М. Понтифики и собрания граждан (*contiones, consilia, comitia*) в эпоху Римской республики // *Вестник древней истории*. 2007. № 3.
8. Там же. С. 47–65.
9. Нетушил И.В. *Очерк римских государственных древностей*. Харьков, 1894. Вып. 1.
10. Виллемс П.Г. *Римское государственное право* / под ред. П.Н. Бодянского. Киев, 1888.
11. Кофанов Л.Л. *Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–VII вв. до н. э.*
12. De Francisci P. *Primordia civitas*. Roma, 1959.
13. Кофанов Л.Л. *Указ. соч.* С. 161.
14. Там же. С. 165.

References:

1. Tokmakov, VN 2007, *The army and the government in Rome: from the era of the kings to the Punic Wars*, Moscow, p. 197.
2. Kübler, B 1897, 'Calata Comitia', *Real-Enzyklopaedie der klassischen Altertumswissenschaft*, Bd. 3, Stuttgart.
3. Liebenam, W 1900, 'Comitia', *Real-Enzyklopaedie der klassischen Altertumswissenschaft*. Reihe 1. Bd. 4. Halbbd. 7. Stuttgart.
4. Botsford, W 1909, *The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic*, New-York.
5. Lange, L 1974, *Römische Alterthümer*. Bd. 1: *Einleitung und der Staatsalterthümer erster teil*, Berlin.
6. Mommsen, T, *Römische Staatsrechts*. Leipzig, 1871–1887. Bd. II–III.
7. Smorchkov, AM 2007, 'Pontiffs and assembly of citizens (*contiones, consilia, comitia*) in the era of the Roman Republic', *Bulletin of ancient history*, no. 3.
8. Smorchkov, AM 2007, 'Pontiffs and assembly of citizens (*contiones, consilia, comitia*) in the era of the Roman Republic', *Bulletin of ancient history*, no. 3, pp. 47-65.
9. Netushil, IV 1894, *Outline of the Roman government antiquities*, Kharkov, vol. 1.
10. Willems, PG & Bodyansky, PN (ed.) 1888, *Roman public law* Kyiv.
11. Kofanov, LL, *Lex and ius: the origin and development of Roman law in the VIII-VII centuries*. BC. e.
12. De Francisci, P 1959, *Primordia civitas*, Roma.
13. Kofanov, LL, *Lex and ius: the origin and development of Roman law in the VIII-VII centuries*. BC. e., p. 161.
14. Kofanov, LL, *Lex and ius: the origin and development of Roman law in the VIII-VII centuries*. BC. e., p. 165.